

Комнату эту, как говорила У Цайэ, берегли для Сун Ючэна — на будущее, когда тот женится. К счастью, вещи там почти не трогали.

Корзинку с яйцами Сун Нин так и не снял с руки с тех пор, как пришёл в дом Сунов, — и сейчас она всё так же надёжно висела у него на сгибе локтя.

Вэй Ху тоже взял свои пожитки и пошёл следом.

У Цайэ, увидев, что они направляются всего лишь в соседний дворик, да ещё и с дарами, скривилась: будто она боялась, что те всё съедят по дороге. Ну конечно — деревенские грязнолапые, скупердяи до последнего. Ничего, как уйдут — всё это добро всё равно останется у них.

Чжао Циншу тоже поднялся:

«Мама, я пойду посмотрю».

Сун Баочжу всё ещё сидела в кресле, щёлкая семечки:

«Мама, потом ту бутылку вина мне отдай, и яиц тоже немного. Циншу много учится, ему нужно подкрепиться».

«Ладно». Отозвалась У Цайэ и тут же добавила: «Баочжу, ты тоже сходи глянь. Как бы этот щенок чего ценного не прихватил».

Сун Баочжу вскочила:

«Тьфу! Эта маленькая дрянь только вернулась — и сразу начала соблазнять Циншу. Надо срочно пойти посмотреть».

Сун Нин не успел пройти и двух шагов, как оказался у своей комнаты; Чжао Циншу подошёл следом. Сун Нин это было неприятно, но, войдя внутрь, он молча принялся собирать свои книги.

Вэй Ху помогал ему: всё, что было из бумаги, сразу складывали вместе. Сун Нин сорвал простыню с кровати и без разбору стал укладывать на неё вещи.

Чжао Циншу стоял рядом, наблюдая, потом шагнул ближе, словно собираясь заговорить:

«Нин-гэ...»

Вэй Ху шагнул вперёд и загородил дорогу.

Тоже мне — сюцай, а ни малейшего понятия о приличиях. Женат ты или нет — какое дело, разве позволено постороннему мужчине так близко подходить к маленькому геру?

Чжао Циншу хотел перекинуться с Сун Нином хоть парой слов, да куда там: Вэй Ху встал между ними. А сам Вэй Ху был рослый — так что Чжао Циншу даже тени Сун Нина разглядеть не мог.

Сун Баочжу тоже торопливо подросла. Увидев, как Сун Нин забирает тушечницу и бруски туши, она тут же вскрикнула:

«Сун Нин, это вещи нашего дома! С какой стати ты их уносишь? Положи обратно!»

Она хотела вырвать их из рук, но Чжао Циншу удержал её:

«Баочжу, что ты делаешь? Это ведь изначально вещи Нин-гэ».

«Какие ещё его вещи? Это всё имущество нашей семьи Сун! А тушь, кисти — ты же сам можешь ими пользоваться, я тебе их и возьму».

«Мне не нужно. Это всё Нин-гэ».

Чжао Циншу и без того был человеком, дорожающим своей репутацией; при посторонних он ни за что не стал бы отбирать чужие вещи. К тому же он чувствовал вину перед Сун Нином, потому и в словах своих больше защищал его.

А вещей у Сун Нина оказалось немало: кисти, тушь, бумага, письменные принадлежности, книги — целая гора. Вэй Ху связал всё в узел, перекинул за спину и пошёл.

Сун Нин, не сказав ни слова, направился к выходу. У Цайэ, сидевшая в зале, увидела это и бросилась следом:

«Это что вы творите?! Вы мой дом пришли грабить?!»

«Быстрее» - тихо сказал Сун Нин Вэй Ху.

Вэй Ху нёс за спиной книги Сун Нина, на плече — полмешка батата, в руках — курицу и кувшин с вином. Весь обвешанный поклажей, он выглядел так, будто основательно разграбил дом семьи Сун.

И всё же, таща на себе столько добра, Вэй Ху шагал легко и широко, быстро уходя прочь. Сун Нин, прижимая к руке корзинку с яйцами, тоже поспешно бежал следом.

У Цайэ, оставшаяся позади, так и кипела от злости, осыпая их бранью:

«Ах ты маленький паршивец! Не надо было мне пускать тебя в наш дом! Подожди у меня, я на тебя в управу донесу!»

От злости у неё закололо в груди: курица и яйца — всё это было её, хозяйское, а эти два щенка взяли и утащили. Да ещё и за спиной у них целая куча неизвестно чего — да это же воровство!

«Баочжу! Баочжу!» - заорала она. «Я же сказала тебе смотреть! Что эта маленькая дрянь утащила из нашего дома?!»

Сун Баочжу от злости топнула ногой:

«Мам, да ничего особо ценного... какие-то кисти, тушь, бумага, письменные принадлежности. Я говорила, чтоб не брали, а Циншу меня удержал, не дал забрать. Вот ведь!»

«Разбойники! Самые настоящие разбойники! Деревенские грязнолапы!»

Сун Баочжу была неграмотной и не понимала, что для бедного человека, стремящегося учиться, такие вещи — тоже немалое богатство.

И не то чтобы старик Сун тогда был к ней несправедлив и не позволял учиться. Когда Сун Баочжу попала в дом Сунов, ей уже было пять лет. Старик Сун отправил учиться обоих детей. Просто родной отец Баочжу был странствующим торговцем, с малых лет таскал её с собой

туда-сюда; она была непоседливой, усидеть на месте не могла — походила в школу всего пару дней и закапризничала, заявив, что больше учиться не хочет.

Старик Сун хотел было её проучить, но У Цайэ, души не чаявшая в дочери, остановила его, расплакавшись и обвиняя, что он — отчим и потому плохо относится к её ребёнку. В итоге старик Сун махнул рукой и позволил Сун Баочжу вовсе не учиться.

У Цайэ изначально собиралась к полудню потушить курицу — как следует угостить своего зятя-суюца. Кто бы мог подумать, что не только курица, уже почти оказавшаяся у неё во рту, пропадёт, но и добра из дома вынесут целую охапку. От злости её едва не хватил удар.

«Нет, так дело не пойдёт! Я в управу пойду!»

Чжао Циншу поспешно шагнул вперёд, беспрестанно складывая руки в поклоне:

«Тёща, нельзя, нельзя! Если об этом узнает господин начальник волости, разве это не будет смешно? Куда мне тогда девать своё лицо?»

Лишь тогда У Цайэ поутихла. Она боялась, как бы из-за такой мелочи не повредить будущей карьере Чжао Циншу. В следующем году зять должен был ехать в областной город сдавать экзамен на цзюйжэня. А если сдаст — это будет настоящее торжество: не то что какой-то волостной начальник, даже уездный чиновник при встрече обязан будет оказать уважение.

Вот тогда уж их семья по-настоящему прославится.

И пусть старые книги, которые унёс Сун Нин, не стоили нескольких серебряных лянов, всё равно это было их имущество!

А уж та курица и яйца — тем более. Целая корзина яиц! Да им бы этого хватило на месяц-другой.

Сун Нин, прижимая к руке корзину с яйцами, всю дорогу бежал вприпрыжку. Лишь свернув за угол и убедившись, что за ним никто не смотрит, он остановился. Переведя дух, Сун Нин сделал пару вдохов, и Вэй Ху тут же обернулся:

«Устал?»

Щёки Сун Нина разрумянились от бега; он широко расплылся в улыбке и звонко рассмеялся:

«Нет. Я просто рад».

Вэй Ху впервые видел, чтобы Сун Нин смеялся так беззаботно. Видно, он и правда очень любил эти книги. Сам Вэй Ху был простаком, грамоте не обученным, и даже не подозревал, что вся эта связка за спиной на самом деле стоит недёшево.

Но, видя радость Сун Нина, он и сам невольно улыбнулся.

Сун Нин больше всего на свете дорожил своими книгами. После смерти отца у него уже не было денег даже на бумагу, но, к счастью, книг, собранных с детства, осталось немало — в обычные дни они хоть немного согревали душу.

«Брат Вэй Ху, тяжело тебе?» - спросил он.

Свёрток был немалый: если бы всё это уложить в деревянный ящик, понадобился бы целый

большой сундук.

Вэй Ху покачал головой:

«Да что ты, разве это тяжесть. Я и тебя вместе с этим донёс бы».

Сун Нин рассмеялся:

«Тут ещё есть несколько книг с почерком моего отца. Когда я был маленьким, он учил меня читать и писать».

Вэй Ху хоть и был человеком грубоватым, но в деревне грамотные семьи можно было по пальцам пересчитать — одной рукой хватило бы. К учёным людям в селе относились с особым почтением, а уж услышав, что в книгах есть почерк отца Сун Нина, он стал нести свёрток за спиной ещё бережнее.

Вернув свои книги, Сун Нин был несказанно рад; даже шаг его стал легче и быстрее.

«Пойдём, зайдём к бабушке Чжан».

«Ага» - откликнулся Вэй Ху и зашагал следом. «Эта баба кричала, что в управу пойдёт. Не бойся, я разберусь».

Сун Нин остановился, обернулся и посмотрел на Вэй Ху сияющими глазами:

«Брат Вэй Ху, ты такой хороший. Не переживай, она не посмеет. Чжао Циншу больше всего дорожит своим лицом — он боится, что наружу выйдут все те некрасивые дела».

Вэй Ху и сам не был из тех, кто суётся в чужие тёмные дела. Услышав, что всё в порядке, он и успокоился: даже если та женщина и подаст жалобу, дело ограничится пустыми препирательствами да парой серебряных монет, пущенных в ход.

Он снова взглянул на маленького гера, сиявшего от радости. Вэй Ху впервые видел его таким счастливым: под солнечными лучами улыбка на его лице была яркой, словно распутившаяся камелия.

Он помнил, каким был маленький гер, когда только пришёл в его дом: пугливый, словно всполошённый заяц, несколько раз плакал навзрыд. А теперь уже не так его боялся — смеялся, как лисёнок, стащивший что-то запретное.

«Ты мой младший брат» - сказал Вэй Ху.

«Разумеется, я буду хорошо к тебе относиться».

Улыбка на лице маленького гера тут же погасла. Сун Нин тихо фыркнул и перестал обращать на Вэй Ху внимание, шагнув вперёд. Вэй Ху поспешно догнал его:

«Но если та женщина тебя расстроила, я вернусь и как следует их проучу».

«Совсем не поэтому!»

Сун Нин не желал больше разговаривать с Вэй Ху.

Какой ещё "младший брат"? Он вовсе не брат ему — он его фулан!

Ну до чего же этот деревянный мужчина непонятливый — хоть об стену бейся, злость берёт!

Свернув за угол, Сун Нин не прошёл и пары шагов, как увидел впереди пожилую женщину с седыми волосами, которая всё выглядывала в сторону переулка. Глаза Сун Нина тут же загорелись:

«Бабушка!»

У бабушки Чжан зрение уже подводило: только услышав, как её окликнули, она поняла, что это тот самый маленький гер, за которым она присматривала. Издалека она увидела лишь юношу в новой одежде и не решилась признать его — лишь когда Сун Нин позвал её по имени, она наконец узнала его.

«Нин-гэ».

Сун Нин, прижимая корзинку с яйцами, торопливо подбежал:

«Бабушка Чжан, как ты здесь оказалась? Мы с братом Вэй Ху как раз собирались идти к тебе».

Стоило бабушке Чжан увидеть Сун Нина, как она тут же принялась вытирать слёзы:

«Я подумала, что сегодня у тебя день возвращения в родной дом, вот и решила прийти взглянуть на тебя. Спешила как могла, боялась, что не успею тебя увидеть».

Увидев, что бабушка плачет, Сун Нин тоже не сдержал слёз:

«Зачем ты пришла сама? Тебе ведь и так тяжело ходить... Мы с Вэй Ху как раз собирались к тебе».

Бабушка Чжан взяла его за руку:

«Ладно, ладно, хороший мой, не плачь. Я просто хотела своими глазами увидеть, хорошо ли ты живёшь».

После того как Сун Нин вышел замуж, бабушка Чжан несколько дней не находила себе места — ни есть толком не могла, ни спать. Как-никак она растила этого маленького гера семь-восемь лет. Когда она впервые пришла в дом Сунов, Сун Нин был ещё совсем крохой, а теперь, оглянуться не успела, — уже замужем.

Жизнь в деревне и без того нелегка, а Сун Нин выдали замуж ещё и в дом с дурной славой — говорили, будто там "губят жён". Как тут было спокойно спать? Не увидев Сун Нина собственными глазами, она никак не могла успокоиться.

Вэй Ху тоже поприветствовал её:

«Бабушка».

Сун Нин, вытерев слёзы, взял Вэй Ху за руку:

«Бабушка Чжан, смотри — это Вэй Ху, мой муж!»

Бабушка Чжан была уже в годах, зрение подводило её всё сильнее. Она несколько раз приподняла голову, внимательно разглядывая Вэй Ху:

«Хорошо... хорошо»...

Каков бы ни был его нрав, одной лишь внешностью он уже вполне подходил её Нин-гэ.

Увидев, что муж Сун Нина статен и представительен, она немного успокоилась.

«Ладно, вы с Вэй Ху сначала сходите в дом Сунов, а в другой раз, как будете в посёлке, обязательно загляните ко мне».

Сун Нин, обрадованный встречей с бабушкой Чжан, не отпускал её руку и начал взахлёб рассказывать, что только что произошло. Голос у маленького гера был мягкий, даже окончания слов тянулись вверх — видно, радость переполняла его.

Услышав, что они собираются идти к ней домой, бабушка Чжан так обрадовалась, что морщинки на лице собрались в одну сплошную улыбку:

«Пойдём, пойдём! Скажу твоему братцу Баньцзы, чтобы мяса нарезал, а невестка пусть приготовит тебе поесть».

<http://bllate.org/book/15163/1366684>